

Свиданіе съ Л. Н. оставило во мнѣ впечатлѣніе, что его ясный умъ попрежнему оставался могучимъ, петроуптымъ.

Я высказалъ Л. Н., что его произведенія въ серьезныя минуты моей жизни были мнѣ поддержкой.

— Да будетъ легка земля великому генію,—сказалъ И. И. Мечниковъ.

Ф. И. Шаляпинъ.

Большинство изъ спѣтыхъ мной ему вещей вызывало съ его стороны какое-то хладнокровное размышленіе о томъ, что было лучше, натуральнѣе—пѣть ихъ или декламировать... Однако, когда я спѣлъ ему «Старого капрала», Даргомыжскаго, Левъ Николаевичъ вынулъ руку изъ-за пояса своей блузы и, стараясь быть незамѣченнымъ, смахнулъ нахернувшуюся слезу...

О. В. Гзовская.

— Безмолвіе благоговѣйное, скорбное, почтительное, то безмолвіе, которое иногда краснорѣчивѣе самыхъ огненныхъ словъ, прилечиваетъ этому міровому событію. Скорбь, охватывающая всѣхъ, кѣмъ не вполне еще овладѣли исключительно звѣринныя чувства, найдетъ себѣ лучшее утѣшеніе въ томъ, что Толстой безсмертенъ, безсмертенъ въ своихъ вѣчныхъ твореніяхъ. И дай Богъ, чтобы тѣ, кто не умѣли цѣнить его при жизни, хоть теперь, когда его не стало, поняли, кѣмъ онъ былъ, какъ для насъ, имѣвшихъ счастье жить съ нимъ въ одно время, такъ и для нескончаемаго ряда будущихъ людскихъ поколѣній. Ибо вся сущность его созданій, его ученія, вся работа его титаническаго таланта, можетъ быть охарактеризована его же одной мыслью, вложенною имъ въ уста простеца Акима во «Власти тьмы»:—«Богъ-то, вотъ Онъ!»

Н. П. Карабчевскій.

— Толстой—гигантъ и вѣчный мученикъ своего собственного животворящаго духа. Вѣчный пахарь на духовной нивѣ. Именно пахарь. Недаромъ за сохой онъ такъ похожъ съ обличія на русскаго мужика. Какъ тотъ всю свою жизнь пашетъ, сѣетъ и жнетъ, повторяя это изъ года въ